

«И у нас нет никого, кто бы повел нас, единственный
наш вожатый — это тоска по дому».

Герман Гессе, «Стенной волк»

Мы живем в Баине.

Когда-то давно ее называли «Останкинская телебаина», но я не знаю точно, что это означает, — о прошлом отец говорил избирательно. Он рассказывал, что раньше здесь было много людей, они не жили в Баине, а работали. Все это для нас сложно, хотя смысл я понимаю. Люди куда-то уходили на ночь, чтобы днем вернуться в Баину. Им не были нужны лодка, плот или катамаран — раньше вокруг Баины не было воды. Отец говорил, раньше вокруг Баины была твердая земля, но, признаться, для меня это до сих пор непостижимо.

Нет воды...

Сложно понять, но отцу я верю. Он никогда не врал. А рассказывал он мне много. И заставлял читать книги — от прошлого их осталось немало. Он предчувствовал то, что с ним случится. И, кажется, спешил оставить мне в памяти как можно больше.

Еще он оставил мне две странные надписи.

3(к.) 1(с.) 3(к.) 4(б.) 3(б.) 2(б.) 4(с.) 1(к.) 3(з.) 1(к.) 3(с.)¹

4(з.) 3(б.) 1(с.) 3(з.) 1(к.) 1(з.) 4(с.) 3(к.) 2(б.) 6(з.)

¹ В романе использована цветовая маркировка знаков. К. — красный; с. — синий; б. — белый; з. — зеленый.

Он был при смерти, когда передал мне клочок бумажки с этими цифрами в разных цветах. Я догадался, что написанное там имеет смысл. Однако понять его мне не удалось, хотя я чувствовал, что это жизненно важно.

Почему же он не написал обычные буквы? Уже в три года я читал — постарались мама и тетя Анна. Причину я знал еще тогда, но по-настоящему осознал гораздо позже.

В тот момент, когда отец — он несколько дней уже не вставал с постели — увидел меня и Марка.

Марк... Второй ребенок дяди Грэга и тети Анны. Брат Дианы и Бориса. Мой друг детства и мой теперешний враг. Противник моих отношений с Дианой. Злой гений нашего несчастного Стефана, моего младшего брата, который родился после меня. Марк... Пожалуй, противоречий в нем было больше, чем в ком бы то ни было из всех Семерых, Рожденных в Башне.

Нас четыре парня и три девчонки. Две мои сестры, Тамара и Нина, и мой брат Стефан. Два сына и дочь дяди Грэга и тети Анны. Диана родилась после меня, затем очередность была такая: Стефан, Марк, Тамара, Борис, Нина. Наши семьи всегда казались перемешанными, и лишь годам к пяти я осознал, что ночи мы проводим отдельно. Мои родители всегда спали в «Юпитере» — по их словам, это был нижний двухъярусный ресторан Останкинской телебашни. Для детей там была отдельная комната, созданная с помощью простых перегородок. На два этажа выше, в ресторане «Высота», жила семья дяди Грэга и тети Анны. Разделение было всего лишь «ночным». Вся Башня принадлежала всем и никому в отдельности. Мы были единственными в мире людьми, хотя я нередко слышал утверждение отца, что где-то, возможно, живут другие люди.

Другие люди...

По словам отца и матери (и по утверждению книг, которые я читал), раньше вся Земля была усеяна людьми,

их было много, очень много. Затем случилась Великая Катастрофа, и многие погибли. Умерла сама Цивилизация. Мои родители выжили вместе с дядей Грэггом и тетей Анной, и отец предполагал, что мог выжить кто-то еще.

О том, как они вчетвером оказались в Башине, отец не рассказывал. Если кто-то из детей задавал вопросы, все взрослые уходили от ответа.

Как и отец, я любил смотреть вдаль со смотровой площадки Башини. Что-то вроде ритуала. Смотреть, как садится солнце, вдали блестит розовеющая вода, удлиняются тени от зданий, чьи верхушки поднимаются над водой, словно щупальца гигантских морских существ вытягиваются из неведомых глубин. В такие моменты, расслабленный, я ловил себя на мысли, что странное, неведомое откуда взявшееся желание отправиться в эти дали крепнет, становится осмысленным, жгучим, как те коктейли, что любил делать по праздникам дядя Грэг, а в этом он был специалист. Однажды я высказался по этому поводу отцу. Он ответил не сразу, долго смотрел куда-то в одну точку, размышляя, затем произнес то, смысл чего я до конца уяснил лишь спустя время:

— Дай бог, чтобы ты и наша семья отправились в путь по своей воле, а не потому, что к этому вас вынудят... обстоятельства. — Он вздохнул и помолчал. — Поверь, тяга что-то изменить — штука хорошая, вот только позже понимаешь, что в конечном итоге ничего не выигрываешь.

Снова короткая пауза, я уже думал, что тема исчерпана, и тут он выдал:

— Что сверху, то и внизу. Запомни.

В тот день я подумал, что это как-то относится к Башине, вполне логичное решение. Башиня была нашим Миром, нашей Вселенной, все остальное казалось эфемерным, не более реальным, нежели то, о чем я читал в книгах. Мы родились в Башине, мы все время находились именно здесь, не считая вылазок с отцом, во время которых мы не уходили слишком далеко — Башиня всегда оста-

валась у нас на виду, как маяк, как символ истинной жизни. Но все оказалось не так. В отличие от нас, детей, отец видел, как могут развиваться отношения между нами, когда мы подрастем. Он мог предугадывать, и потенциальная картина будущего его пугала.

Основным источником беспокойства среди детей с раннего детства был Марк. В два года он случайно обварил кипятком ногу тети Анны. Господи, как она кричала! Марк плакал — он тоже испугался, но я хочу сказать, что еще сопляком он наводил шорох, не только обижал сестер и братьев, но и доставлял неприятности взрослым — «пол у него горел под ногами», как говорила тетя Анна. Будучи маленьким ребенком, Марк смотрел на меня снизу вверх, и тогда нас еще можно было считать друзьями, я нередко участвовал в его же проказах, но по мере взросления что-то внутри у него противилось положению, которое — пусть с натяжкой — можно было назвать подчиненным. Волчонок рос, креп, и нечто внутри у него росло и крепло вместе с ним. Некая сущность, которая требовала быть во главе чего бы то ни было, подчинить себе остальных, сделать так, чтобы даже родные мать и отец отошли на второй план.

Я уверен, именно Марк виновен в гибели дяди Грэга и тети Анны. Косвенно или прямо, неважно.

Пожалуй, именно Марк приблизил трагическую кончину моих родителей. Прямых доказательств нет, но они мне и не нужны. Достаточно было заглянуть ему в глаза, когда мой отец перестал дышать. Взрослые стали мешать ему, они стояли у него на пути, как здания, которые не обойдешь, которые можно лишь разрушить, и он постарался.

Наш несчастный Стефан познал злобную суть Марка с самого его рождения. Стефан не говорил, хотя понимал все сказанное, он до сих пор молчит. Он странный. Скошенная голова Стефана, его молчание и кивки, если нужно кому-то ответить знаками, его припадки, во время

которых он мычал, жутко выпучивая глаза, его длительные прострации, во время которых он будто выпадал из нашей реальности, — все это вызывало злобные насмешки Марка, он допекал Стефана, доводил его до истерики, и никто и ничто не могло Марка осадить. Если же тетя Анна наказывала его, это лишь усиливало его ненависть и злобу к Стефану. Бешеная энергия, привычка накопить, сарказм и злоба не позволили бы Марку изменить в себе хоть что-то, даже если бы он сам этого захотел.

Когда же умерли родители Марка, он, казалось, вообще слетел с катушек. Исчез последний сдерживающий рычаг — его мать, тетя Анна. Это привело к тому, что мой отец сменил для Стефана жилище — просто спрятал его, чтобы Марк его не видел, чтобы они не встречались. Стефану носили еду, подозреваю, что он помогал отцу и матери обрабатывать, растить, пропалывать те из наших «полей», которые взрослые не перенесли на нижний ярус «Юпитера», оставили на нижних этажах Башни. Помогать другим Стефан всегда был согласен, он никогда никому не отказывал. Но даже это — вынужденное отсутствие Стефана — не остановило Марка. Он стал искать его, и это превратилось в извращенную игру. Я точно знаю, что отец несколько раз перепрыгивал Стефана, и когда сговорился с мамой, чтобы заточить самого Марка, Марк сбежал.

Это лишь кажется, что в Башне одна маршевая лестница и все помещения можно проверить. На самом деле закоулков столько, что прятаться могли бы с десятков таких Марков. Теоретически он мог покинуть Башню, возвращаясь время от времени, жить в одной из ближайших высоток, что торчали из воды. Все это накаляло обстановку, отсутствие Марка и его неожиданные появления, большие похожие на налеты, превращали жизнь в ад. И хотя сразу после смерти моей матери Марк «вернулся» — как и тетя Анна, мама воздействовала на него, — оказалось, это был тонко рассчитанный ход.

Единственным, кого Марк не трогал, была Диана. До недавнего времени я думал, что причина в том, что Марк любит Диану, как брат сестру, что даже у него в душе есть к кому-то любовь, но теперь я знаю, что у Марка к Диане противоестественное желание, подогретое тем, что она выбрала меня, не его, родного брата.

И я не мог ничего с этим поделать. Я знал — отец не раз говорил мне об этом, — что нельзя пойти на убийство, это не приведет ни к чему хорошему. Я просто выбираю это же решение в другой раз, пусть даже проблема будет менее серьезной. Просто потому, что метод уже поработит меня, как только я попробую его впервые. Как сильный наркотик — некое химическое вещество, которое портило и ломало жизни многих людей до Великой Катастрофы. Или, как говорим мы, в Мире До Воды.

Я пишу эти строки по советам отца. Надеюсь ли я, что кто-то найдет и прочитает написанное? Не знаю... Есть ли вообще кто-то кроме нас, кто смог бы это прочитать? Я лишь знаю, что отец сообщил мне что-то важное с помощью цифр в цвете, но он не только боялся, что это станет известно Марку, похоже, отец не был уверен, что мне вообще нужна эта информация. Диана не уверена, что послание связано с тем, как и куда отправляться, если мы все же решим покинуть Баинню, ведь Марк уже не оставил нам выбора. Как говорил мой отец, обстоятельства вынуждают нас к этому.

Марк требует отдать ему Диану (Господи, он требует отдать всех сестер!), но я не могу позволить слушаться этому, не считая того, что сама Диана ни за что меня не покинет. Но противиться Марку опасно для жизни. Он обещает, что уничтожит нас, и для этого уже многое сделано.

Как же нам быть? Покинуть наш обжитый мир, нашу Баинню, разделиться после того, как мы были единым целым с самого рождения? Неужели нет иного выхода?

ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Диана смотрела на него, в глазах — тревога, нетерпение. На миг Адама кольнула мысль, что в ее глазах уже нет любви, ее вытеснили страх, напряжение и бесконечное ожидание. Но нет — это всего лишь секундная слабость. Она любит его, всегда любила. Они были предназначены друг другу с самого рождения. Он был Первым из Семерых Рожденных в Башне, она — Второй и первым ребенком женского пола. Она родилась для него так же, как он родился для нее.

Через стекло смотровой площадки проникли первые лучи солнца. Восход. Еще недавно они вместе нередко встречали восход, но все изменилось. Адам зевнул. Сонливость усиливалась, мысли путались. Ему нужен отдых. Иначе ничего у него не выйдет.

Он в очередной раз заглянул в бумажку на столике. Цифры в цвете. Как и те две первые надписи, переданные отцом лично. И такие же неподвластные его пониманию.

1(с.) 2(с.) 1(з.) 8(б.) 5(з.) 7(с.) 3(з.) 3(к.) 4(з.) 3(б.) 3(с.)
2(с.) 5(з.) 5(к.) 3(б.) 1(з.) 4(с.) 1(к.) 7(б.) 2(з.) 3(б.) 1(з.) 3(б.)
6(к.) 5(з.) 3(б.) 3(з.)

Вокруг бумажки лежали листы с буквами и перечеркнутыми цифрами, более десятка вариантов — труды Адама по расшифровке за последние два дня. Диана бросила взгляд на последний листок, в ее глазах появился вопрос. Адам покачал головой:

— Бесполезно. Я не понимаю эту систему. Если бы тут были только цифры... Но цвета все путают. Как их задействовать?

Диана посмотрела на спящих девочек, Тамару и Нину. Они лежали в спальнях мешках, Нину прикрыли сверху пледом. Они выглядели умиротворенными, особенно Нина. Удивительное дело на фоне происходящих событий, когда они все ждут вылазки Марка и Бориса, когда даже предположить боятся, чем это закончится.

Нина застонала, и Диана улыбнулась. Самая младшая с раннего детства неотвязно ходила за Дианой — та была для нее идеалом. Диана часто таскала ее на руках. Кажется, Нина родную мать так не любила, как подружку своего брата.

Диана глянула на Адама.

— Почему твой папа так все запутал? Проще было писать обычными буквами!

— Тогда Марк узнал бы, что здесь написано.

Они помолчали.

— Нужно ли нам это? — спросила Диана. — Откуда твой отец знал, что нас ждет? Что появится проблема: покидать Башню или нет?

— Он предполагал. И ты знаешь... иногда он уходил на несколько дней. Может, он что-то знал? — Адам прилег рядом с Ниной. — Я больше не могу, Диана. Ты... не ложись, пока меня не разбудишь. Лучше не рисковать.

Они посмотрели друг другу в глаза. Причина была не только в Марке. Вчера они обсуждали эту тему. Оба помнили разговоры родителей о том, что раньше, до прихода в Башню, когда случилась Великая Катастрофа, люди стали умирать во сне, если их никто не будил. Когда родители спаслись, они смогли просыпаться уже сами, но эта напасть, пусть и бывшая, кажется, висела над ними еще долгие годы. Отец как-то сказал Адаму, чтобы тот прослеживал ситуацию с младшими братьями и сестрами. Мало ли...

До последних дней это предостережение казалось Адаму эфемерным, но вчера и позавчера он будил Нину и Тамару едва ли не к полудню, самого его вчера разбудила Диана, чего не случалось прежде ни разу. Если бы он их не разбудил? Как долго бы они спали? Проснулись бы сами, если бы по какой-то причине Адам и Диана оставили их?

Диана сказала:

— Не волнуйся. Кроме смерти во сне есть еще и Марк. Адам прикрыл глаза.

— Надо искать Стефана.

— Если он внизу? Где-то на стороне Марка?

Адам не знал, что ответить. Стефан прятался где-то в Башне, и Адам не мог уйти с сестрами и Дианой, оставив его. По книгам он знал, что в Мире До Воды люди нередко бросали своих близких ради выгоды, выбирая меньшее из зол, из практицизма или из мести, но для него все эти причины и чувства по-прежнему были не очень понятны. Их всего семеро, и если уж обстоятельства сложились так, что нужно разделить, оставить Стефана с Марком — большой грех, нежели убить его. Адам не сможет уйти, если не отыщет брата.

— Он где-то наверху. Как только высплюсь, поищу его. Вы побудете без меня. — Он заглянул Диане в глаза: — Договорились?

Диана кивнула.

— Разбужу Тамару. Мне так будет спокойней.

— Разбуди.

Адам закрыл глаза, но заснуть ему не довелось.

Диана еще не растормошила Тамару, а тихий перезвон Колокольчика подсказал, что Марк нарушил их территорию. Устройство, которое создал еще дядя Грэг, после его смерти оставалось у Ивана, и тот передал его старшему сыну. Миниатюрный и практически незаметный радар с помощью передатчика подавал сигнал на Колокольчик — тот звенел негромко, но достаточно, чтобы его услышать.

Адам подскочил, схватил ружье — одно из двух, что остались от бывшего арсенала, который они волею судьбы «разделили» с Марком пополам: каждому по единице оружия. Он спустился в средний ресторан, который в Мире До Воды называли «Русский бриллиант», ставший в теперешней войне нервов водоразделом, буфером, ничейной территорией. Когда-то Иван и Грэг, их отцы, под воздействием только им известных мотивов переоборудовали систему вход-выход, внесли лепту в рамках «усиления безопасности», какой они ее видели. Винтовая лестница, соединявшая рестораны, здесь была обрушена, и подняться можно было лишь по маршевой лестнице, которую между нижним и средним ресторанами заделали блоками и кирпичом. Теперь, чтобы пройти рестораны, нужно было с маршевой лестницы войти в нижний, подняться в средний и лишь оттуда вернуться на маршевую лестницу.

Адам спешил, но не задел ни одного ящика, с помощью которых он создал узкие тесные проходы, не позволявшие противнику при входе в ресторан контролировать все его пространство. Адам ориентировался здесь, как на своем этаже, Марк пока не изучил эти защитные сооружения оппонента. Форса в потенциальной стычке была за Адамом, и Марк знал это.

Адам занял позицию поблизости от выхода на лестницу между «Русским бриллиантом» и «Юпитером». С помощью ящиков он устроил амбразуру, став практически недоступным для Марка, если бы тот рискнул стрелять. Адам восстановил дыхание за считанные секунды, улыбнулся, вспоминая отца. В раннем детстве отец часто занимался с Адамом: бег по лестницам, прыжки, подтягивания, плавание, лазание по канату. Это сказывалось, несмотря на то что после рождения Тамары — после рождения Нины тем более — отец уделял физической подготовке Адама гораздо меньше времени: пришло время интеллекта. Если в отношении силы Марк, будучи младше Адама почти на два

года, медленно, но верно брал верх, в ловкости и скорости Адаму не было равных. И не будет, даже когда разница в возрасте с Марком и Борисом станет не в счет.

Адам прижал приклад винтовки к плечу, замер. Он по-прежнему не был уверен, что выстрелит, если Марк поперет напролом. Даже если у него не останется выбора. Адам не хотел убивать Марка или тем более Бориса, а чтобы ранить, стрелять точно, Адам сомневался, что сможет. Ни Иван, ни Грэг никогда не учили детей стрелять. И патронов было ограниченное количество.

Пару лет назад после одной из вылазок Иван привез игрушечный пистолет, стрелявший легкими резиновыми пулями, но тренировался Адам недолго. Возникали споры с Марком, ныл и канючил Борис, пулек было слишком мало, Иван попросту забрал игрушку, сообщив, что выбросил ее, дабы «не было искушения». Выкинул ли он игрушку на самом деле? Адам не был в этом уверен.

В поле зрения возникла голова Бориса. Он продвигался медленно, всматривался перед собой в лабиринт. Борис еще не видел Адама. Худощавый, похожий на Грэга, в такой же кожаной безрукавке, которую еще пару лет назад носил Марк. Тогда среди мальчишек это было «пиком моды», как смеялась тетя Анна. Даже Стефан, увидевший Марка в безрукавке, на вопрос матери, хочет ли он такую же, загугукал. Борис с рождения боготворил Марка, неудивительно, что он встал на его сторону. Марк со своими выходками, неподчинением взрослым был для Бориса недостижимым идеалом. Тем, кем при жизни родителей и дяди Ивана и тети Евы Борис никогда не позволил бы себе стать. После смерти родителей Адама Борис осмелел. Он перестал подчиняться всем, кроме Марка. Борис не создавал проблем, но Марк, как громадный булыжник, брошенный в реку, затянул его в омут.

Жаль, в который раз подумал Адам. Останься Марк в одиночестве, возможно, теперешней ситуации бы не возникло. Марк нуждался в помощнике, и шестнадцати-

летний Борис, высокий и более чем развитый для своего возраста, составил ему неплохую пару. Вдвоем они представляли силу. И если опасения насчет сна верны, Марк и Борис смогут будить друг друга.

Борис сделал еще пару шагов, прислушиваясь к тишине в «Русском бриллианте», и Адам заметил у него в руках арбалет. Самодельный, но от этого не менее смертоносный, арбалет сделал Грэг с сыновьями. И если Марк остался к этому оружию равнодушным, Борис в арбалет влюбился. Немало свободного времени он проводил за стрельбой из этого приспособления. Одно время вокруг Бориса крутилась Нина, но она еще физически не могла долго удерживать оружие и стрелять, к тому же Иван запретил ей этим заниматься.

Адам осознал, что с детства большинство занятий мальчиков, исключая Стефана, казалось, были направлены на подготовку к будущему противостоянию. Они тренировались и готовились так, словно знали, что им предстоит. Их семьи жили в мире, вокруг никого из людей не было, но, оглядываясь назад, Адам не мог не признать этот парадокс: все их прежние действия были связаны с тем, что происходило сейчас.

Борис немного продвинулся и стал мишенью для Адама.

— Стой на месте, — Адам, подтверждая угрозу, передернул затвор. — Не двигайся.

Борис замер. Лицо исказилось, но он пытался контролировать себя, несмотря на испуг. Где-то за ним был Марк, с винтовкой. Так выходило, что среди их противников вооруженным мог быть только один.

— Послушай его, Борис, так и быть, — голос Марка.

Адам всматривался за спину Бориса, но Марк не появился.

— В одной книге я читал, — заговорил Адам, — что в Мире До Воды в битвах использовали заградительные отряды и штрафные батальоны. Людей, которых считали хуже всех, толкали в бой первыми, на верную смерть.